

Ливень хлестал с такой силой, будто небеса разверзлись, и стремительно мчащийся Майбах напоминал клинок, рассекающий водяную завесу.

Ци Хань откинул голову на спинку сиденья, прикрыв глаза окровавленной рукой. Мелкие капли дождя залетали через приоткрытое окно, пропитывая влажной прохладой его волосы и смачивая плечи, где свежие раны алели сквозь ткань.

Тот, кого всегда считали безупречным и хладнокровным, сейчас выглядел как жалкий, загнанный пёс, насквозь промокший и обессиленный.

— Сколько ещё? — голос его был настолько хриплым, будто он проглотил песок.

— Десять минут, — водитель ответил, сглатывая страх и отчётливо чувствуя, как руки на руле чуть подрагивают.

— Жми на полную.

Когда Ци Хань снова добрался до заброшенного здания, дождь уже размывал землю в жидкую грязь, а бурные потоки стекали по стенам, смывая накопившуюся пыль. Он не позволял себе думать, сколько Фу Гэ уже пролежал там голым и израненным, среди этой грязи.

Бросившись внутрь, он почти не замечал охранников, что растерянно расступались перед ним. Дверь в комнату ударилась о стену с грохотом, и первое, что он увидел — это как Гу Бо пытается приподнять без сознания лежащего Фу Гэ. Маленький бета был бледен, глаза плотно закрыты, а одна рука бессильно свисала.

— Вызовите скорую! — резко выкрикнул Ци Хань, бросаясь к нему.

Тело Фу Гэ было горячим, как раскалённый металл, и когда Ци Хань осторожно прижал его к себе, он ощутил, как тот обмяк у него на руках.

— Сяо... Сяо Гэ, всё в порядке... Я здесь... — слова срывались с губ тихим шёпотом, почти молитвой.

Он пытался смахнуть грязь и слёзы с лица Фу Гэ, но его собственные пальцы были в крови, и чем больше он старался, тем сильнее пачкал побелевшие щёки беты алыми разводами.

— Д-зинь...

Тонкий звук, похожий на колокольчик, раздался, когда другая рука Фу Гэ безвольно упала вниз. Что-то со слабым звоном ударилось о пол.

Ци Хань непроизвольно опустил взгляд — и в следующий миг застыл.

В изрезанной осколками ладони Фу Гэ лежала тёмно-синяя шёлковая лента. На ней покоились две обручальные кольца, залитые багровым, словно символ давно погребённой любви.

Когда 23-летний Ци Хань доводил его до состояния, хуже смерти, единственной отдушиной для Фу Гэ оставались воспоминания о том, каким Ци Хань был в 17 лет — тёплым, заботливым и совсем не похожим на того, кем он стал.

И тогда, даже будучи в бессознательном состоянии, маленький бета вздрогнул. Губы его непроизвольно зашевелились, издавая рваные, задыхающиеся всхлипы.

Ци Хань склонился ниже, едва различая сбивчивый шёпот:

— Что?.. Что ты сказал?..

— Не надо... Я правда боюсь... — хрипел Фу Гэ, голова его металась из стороны в сторону, и горячие слёзы стекали из-под плотно сжатых век.

— Не буду... — голос Ци Ханя сорвался, пальцы дрожали, пока он обхватывал его плечи. — Не бойся... Я больше не буду...

Но Фу Гэ будто не верил. Он яростно тряс головой, захлёбываясь в собственных рыданиях, как утопающий, и всхлипывал так горько, что от каждого звука хотелось рвать себя на куски:

— А-Хань... спаси меня... умоляю, спаси... Почему ты снова отдал меня им?..

— Прости, малыш... Прости... — шёпот разрывался в осипшем горле, капли слёз падали на его лицо.

Горькое раскаяние сжалось в груди расплавленным свинцом, и от этой невыносимой тяжести было невозможно дышать.

Фу Гэ доставили в больницу и сразу отправили в реанимацию.

К счастью, хотя кровавые раны выглядели жутко, на деле всё оказалось не так плохо: кроме повреждений головы от удара мотоцикла и нескольких глубоких порезов на правой ладони от стеклянных осколков, остальные следы крови принадлежали самому Ци Ханю.

Но даже на третий день после перевода в обычную палату Фу Гэ так и не пришёл в себя. Лихорадка не спадала, горячка обжигала кожу.

Доктор разложил перед Ци Ханем несколько снимков рентгена, указав на область нижней части живота:

— У пациента воспаление в... эм, скажем так, внутренних органах, поэтому температура и не спадает. Вы его альфа?

Ци Хань замер, прежде чем кивнуть. Он сам не знал, имеет ли теперь право так называть себя.

— Это из-за переохлаждения? — в его памяти не всплывало ни единого момента, когда он касался его так, чтобы могло вызвать такую реакцию.

— Ах, не беспокойтесь, это не связано с вашей... эм, интимной жизнью. Там просто лёгкое раздражение, вероятно, остаточный эффект от операции по удалению метки.

Ци Хань рывком поднялся на ноги:

— Что?!

— Операция по удалению метки... — переспросил он, и в глазах его сверкнул такой страх, что лицо перекошило от недоверчивой, судорожной усмешки. — Вы... должно быть, ошиблись! Или перепутали карты! Он бета, его невозможно пометить!

— Вы не знали? — врач вскинул брови и, не скрывая удивления, хмыкнул: — А вы точно его партнёр? Или до вас у него был другой альфа?

— Я его партнёр! Но он бета! — Ци Хань судорожно перелистывал медицинскую карту, пальцы дрожали так сильно, что страницы шуршали как сухие листья. — Вот же, чёрным по белому написано: он бета!

— Ха, — врач тяжело вздохнул и закатил глаза, явно проклиная таких неосведомлённых партнёров.

— Вы что, в школе вообще не учил биологию? — врач фыркнул, закатив глаза. — Бета тоже может быть помечен, если альфа несколько раз входил в него и оставлял феромоны. Правда, шанс формирования метки очень низкий, и процесс невероятно болезненный для беты...

Он смерил Ци Ханя холодным взглядом:

— Не многие альфы способны так поступить со своими партнёрами.

Ци Хань зацепился руками за волосы, широко распахнутыми глазами озираясь по сторонам,

словно надеялся, что это всего лишь дурной сон.

Фу Гэ... был помечен... мной.

Когда?!

Он судорожно пытался понять. Всего два раза он заходил настолько далеко с Фу Гэ.

Первый раз был, когда они ещё были вместе и всё казалось идеальным. Внезапный приступ восприимчивости, боль, смешанная с томительной сладостью, когда Фу Гэ обнимал его и шептал успокаивающие слова. А потом... потом он сам сказал, что это была всего лишь часть тщательно продуманного плана.

Второй раз... второй раз был в те две недели, когда он держал Фу Гэ взаперти. Пики восприимчивости не отпускали, и он сам не знал, что творил. Очнулся только тогда, когда маленький бета уже едва дышал, измождённый и обессиленный.

Так когда же это произошло?

И как он жил все эти годы, будучи помеченным?

Тело Ци Ханя налилось свинцом, каждое движение давалось с таким трудом, что он почти не чувствовал ног.

— Вы имеете в виду... временную метку, да? Или...

Он осёкся, не решаясь договорить, но голос всё равно дрожал, как у ребёнка на грани истерики.

— Постоянная метка.

Последняя надежда рассыпалась в прах. Ци Хань рухнул обратно на стул, тяжело опираясь на столешницу.

— После... после постоянной метки... бета тоже входит в течку? — голос его был еле слышным.

— Конечно, — кивнул врач, будто это был самый очевидный факт в мире. — Течка — это базовая реакция.

Ци Хань невидящими глазами уставился в пол и машинально кивнул:

— А... в такие периоды... ему тоже нужны ингибиторы, как омеге? Разве они не перестают действовать со временем?

— Они не перестают действовать.

Ци Хань едва слышно выдохнул, но не успел даже ощутить облегчения, как следующий ответ врача ударил точно молотом по вискам:

— Они вообще не действуют. У беты нет феромонов и желез, поэтому ингибиторы на них не работают. Единственное, что помогает, — это успокоение со стороны партнёра.

Последняя капля воздуха внутри взорвалась, разлетелась тысячами осколков.

— Если... я просто теоретически... если у него нет ингибиторов и... нет партнёра, тогда что? Как он переживает течку каждый месяц?

Врач мельком взглянул на фото маленького беты в медицинской карте и равнодушно хмыкнул:

— А как ты думаешь?

— То есть... совсем никаких способов? — голос Ци Ханя был таким глухим, что сам себя не узнал.

— Бета устроены именно так, — отрезал врач, словно ставя финальную точку.

Ци Хань сидел, не в силах пошевелиться, а ледяной ужас медленно разливался по венам, опутывая сердце мерзкими, холодными щупальцами.

Эволюция длиной в тысячу лет подарила бетам тело без феромонов и течек. Их нельзя было пометить, нельзя было заклеить, нельзя было полностью завладеть ими — и для многих альф это становилось источником разочарования.

Ци Хань не раз раздражался из-за того, что не мог пометить Фу Гэ. А тот, в свою очередь, с горечью жалел, что не родился омегой и не может оставить на возлюбленном свой уникальный запах.

Но только теперь Ци Хань понял, что у них всё же был один единственный шанс.

Скорее всего, это случилось тогда, в тот внезапный приступ восприимчивости. Он обманом затащил Фу Гэ на пикник за городом, сам спрятался в комнате, сжав зубы и пытаясь переждать накатившую волну. Но начался ливень, и поездку отменили. Маленький бета вернулся раньше

и, увидев, как его корчит от боли, с перепуганным лицом бросился к нему, забыв обо всём.

Тот раз был мучительно болезненным для обоих: кожа пересыхала и трескалась, боль казалась невыносимой. Они вцеплялись друг в друга, дрожа, и долго плакали, обнявшись. Фу Гэ плакал от жалости к нему, а Ци Хань — от того, что не мог защитить своего маленького бета от этой боли.

Это должно было стать болезненным, но светлым воспоминанием. Возможно, даже небеса сжалились над ними тогда, подарив им мизерный шанс на постоянную метку с вероятностью менее 0.1%.

Врач сказал, что после того, как бету помечают, он сам не сразу это осознаёт. В их генах просто не было опыта для таких случаев. Поэтому Фу Гэ долго не мог понять, что с ним происходило, и его страх перед этой «странной болезнью» постепенно сменился на тихое счастье.

Ци Хань вдруг вспомнил: за полмесяца до свадьбы маленький бета всё время ходил с дурацкой улыбкой на лице, раскрашивая свои картины в яркие, тёплые цвета. Будто он весь светился изнутри.

А когда Ци Хань спрашивал, в чём дело, Фу Гэ только таинственно качал головой. Если Ци Хань слишком приставал, тот смеялся и, дразнясь, проводил кисточкой по его лицу:

— Это секрет! Я тебе всё расскажу на свадьбе... Может быть, даже сделаю сюрприз.

Но судьба оказалась беспощадной. Сюрприз так и не был преподнесён. В самый счастливый период их жизни Фу Гэ потерял всё. И так и не смог сказать ему, что у него была постоянная метка.

Если бы не эта случайная встреча, Ци Хань, возможно, так бы никогда и не узнал, что когда-то полностью владел этим мальчиком.

Но метка, однажды стёртая, не может быть восстановлена. Он навсегда утратил единственный шанс связать их судьбы.

Ци Хань застыл, не в силах даже вдохнуть. Вокруг было шумно, как в улье. Казалось, что вся больница превратилась в раскалённую духовку, а коридоры под ногами — в самые горячие решётки.

Бесконечное раскаяние жгло его изнутри, будто сердце изрубили в кровавую кашу, замочили в соляном растворе и заставляли заживать снова и снова, без конца, без выхода.

Мимо спешили врачи и медсёстры, каталка с тяжелораненым пациентом просвистела в паре

сантиметров от него. Но Ци Хань шёл вперёд, как ходячий труп — от него осталась только оболочка, идеально сохранённая, а изнутри всё было мёртвым.

Как бы там ни было, как бы он ни пытался это оправдать, всё, что он натворил, лежало перед ним, выложенное чёткими фактами, как на хирургическом столе.

Боль, которую он причинил Фу Гэ, не остановилась на четырнадцатом дне. Эти шрамы и тени будут преследовать его не только следующие пять лет — они останутся с ним до конца жизни. Не отпустят Фу Гэ. И не отпустят его.

Альфа задыхался. Он дотащил себя до туалета и, захлопнувшись в самом дальнем кабинке, рухнул на колени.

Слова врача не переставали звучать в ушах. Они повторялись снова и снова, словно заевшая пластинка, но Ци Хань никак не мог заставить себя собрать их в единое целое.

— Странно, — говорил врач, перелистывая снимки. — Судя по анализам, пациента поместили на постоянной основе пять лет назад. Но операцию по удалению метки он назначил только три года назад. Два года до этого... вы тогда ещё были вместе?

— Причём учреждение, которое он выбрал, совсем уж сомнительное. Оттого и остались такие серьёзные осложнения. Если не соблюдать осторожность, это скажется на всей его дальнейшей жизни. В его-то возрасте, как можно так рисковать своим телом?

Безобидные вопросы врача били сильнее пульс: Почему только через два года? Почему не выбрал нормальную клинику?

Ци Хань не был идиотом. Он уже понял.

У Фу Гэ просто не было денег.

Когда они только встретились снова, Фу Гэ не мог позволить себе даже порцию картошки фри, так как же он мог оплатить такую дорогую операцию?

Никто не знал, через что ему пришлось пройти за эти пять лет. Скорее всего, он просто прятался в каком-то тёмном, забытом всеми углу, позволяя приступам течи раз за разом разрывать его тело на куски.

Ингибиторы не действовали. Партнёра рядом не было. А ведь когда-то он, не задумываясь, жертвовал собой, чтобы облегчить приступы восприимчивости у Ци Ханя, рискуя собственной жизнью.

А когда пришла его очередь — не получил даже капли ласки.

Так прошло два года мучений, прежде чем он наконец нашёл способ удалить метку. Но вместе с этим пришли и бесчисленные побочные эффекты, один страшнее другого.

Замедленная реакция, эмоциональная апатия, почти полная потеря чувствительности к окружающему миру. Фу Гэ будто постепенно превращался в пустую оболочку, в безжизненную куклу, которая медленно угасала.

От горечи подступал рвотный спазм, и Ци Хань задыхался, будто в лёгкие налили кипящую воду. Висело болезненное осознание: это уже не исправить.

Фу Гэ не родился мазохистом.

Он просто слишком много раз пытался достучаться и каждый раз разбивался о глухую стену. Столько раз просил о любви и тепле, что уже не мог получать удовольствие обычным путём.

Но всего три дня назад Ци Хань назвал его тело “развратным”. Тогда он смотрел на потерявшего память Фу Гэ, который прижимался к нему с дрожью в голосе, и бросил это слово, полное презрения, со скрипящей усмешкой: “Грязный”.

Дверца кабинки дрогнула от того, как сильно он навалился на неё спиной.

Ци Хань умирал.

И уже не мог понять, от боли это или от ненависти к самому себе.

<http://bllate.org/book/14453/1278310>